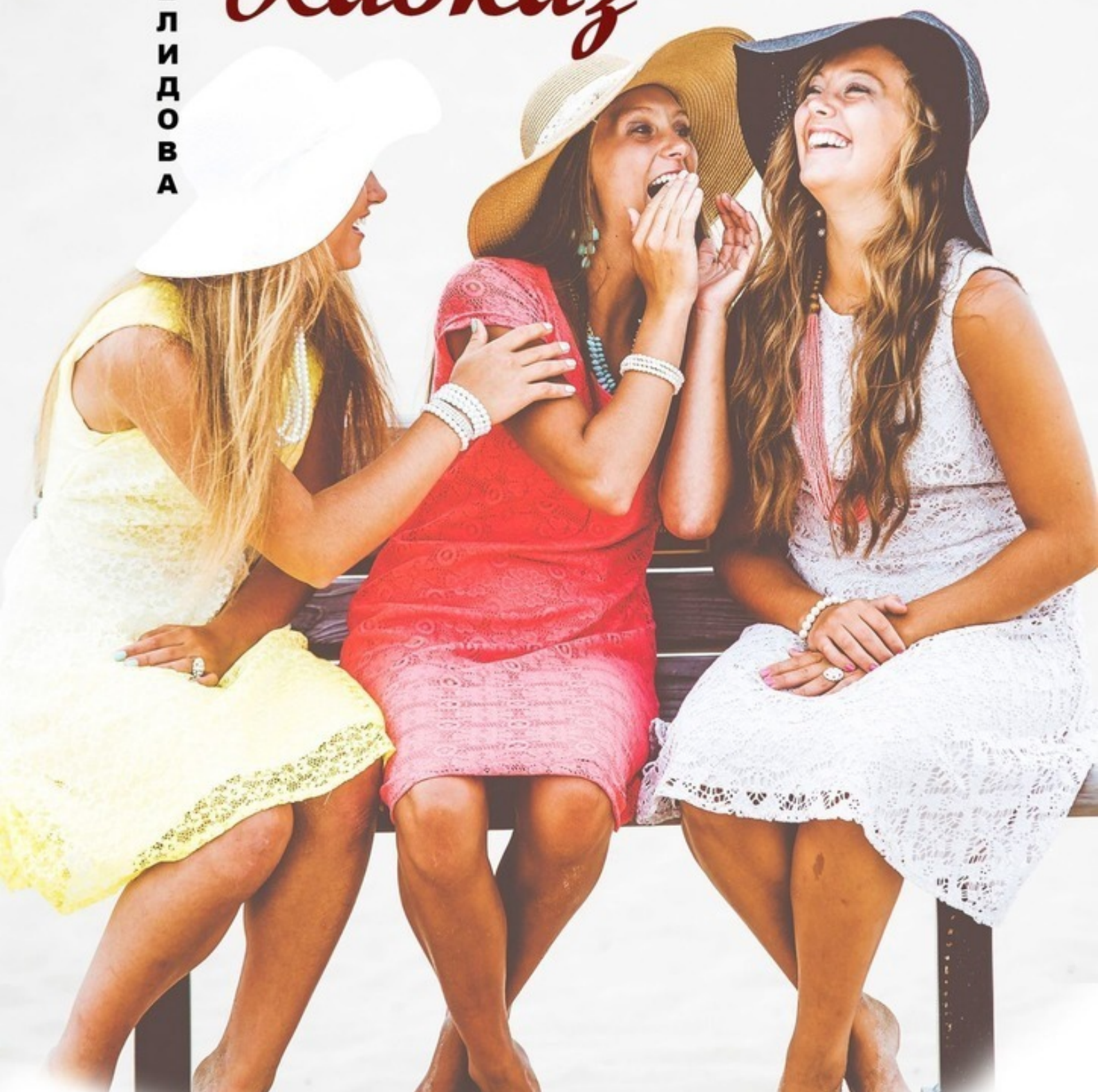

НАДЕЖДА
НЕЛИДОВА

Чемодан - вакзал - Кавказ

Надежда Нелидова

Чемодан – вокзал – Кавказ

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Чемодан – вокзал – Кавказ / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966790-8

Чего хочет женщина? Большой и чистой любви. Куклы по имени Мужчина, неважно, что у неё (куклы), или у него (мужчины), другая семья (другая хозяйка). Хочу и всё! А ещё денег, шубки, бриллиантов, телевизионной славы, квартиры в центре города, путешествий. Приключений на пятую точку. На худой конец, ванну — непременно розовую.

ISBN 978-5-44-966790-8

© Нелидова Н.
© Издательские решения

Содержание

АХ ВЕРНИСАЖ, АХ ВЕРНИСАЖ!	6
ТЫ МНЕ – Я ТЕБЕ	10
ЧЕМОДАН-ВОКЗАЛ-КАВКАЗ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Чемодан – вокзал – Кавказ

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6790-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АХ ВЕРНИСАЖ, АХ ВЕРНИСАЖ!

В каждом магазине она непременно, со сдержанным достоинством уточнит:

– О, я живу далеко... За океаном. Выбираю с собой подарки сыну, невестке, внукам, друзьям... Предложите мне что-нибудь... Что-нибудь достойное. На складе посмотрите. Ну, вы понимаете... Чтобы не тащить за океан ерунду. О, там этих тряпок в тысячу раз больше, и дешевле. Но ведь нельзя без подарка.

Иногда она спохватывается и подпускает акцент, хотя уехала всего два года назад. Говорит: не «шопинг», а «шапинг». Не «колледж», а «каллэдж». Иногда будто не может подобрать русское слово и щёлкает пальцами, ища синоним: «Как это... забыла». Иногда подкрепляет речь очаровательно-растерянными грациозными жестами, как иностранка.

– За океаном – это где? – вежливо интересуются продавщицы.

– В Новой Зеландии, – роняет она и, вскинув брови, строго всматривается в собеседника: каков произведён эффект.

На выходе из магазина вполголоса мне деликатно сообщает: «**У нас** вон та кассирша лишилась бы работы в один момент. Лицо угрюмое, на вопросы буркает под нос».

– Здравствуйте! – спешат к нам девочки в каждом отделе ЦУМа. – Вам помочь? Что-то подсказать?

Почти все выпускницы местных вузов и училищ. Работы по специальности нет, рады хоть этой, пустой и копеечной. Каждой нужно продать в месяц товара на энную сумму – иначе уволят. А какие там продажи: город бедный, заводы закрылись, школы и садики сокращаются.

Но девочки стараются, помнят наказ хозяйки: «Не стойте истуканами. Работайте, работайте с клиентом». Они и работают, радостно улыбаются с порога: «Здравствуйте!»

Моя новозеландка недоумённо, близоруко, великосветски щурится:

– Здрасьте-здрасьте. Что-то я вас не припомню. Мы раньше виделись?

– Мы незнакомы, но наш магазин рад каждому покупателю, – заученно щебечет юная продавщица. Гостья разочарованно хмыкает: надо же, и в этот медвежий угол приходит цивилизованный сервис.

Впрочем, тотчас находит повод для раздражения. Брезгливо копаясь в корзине с уценённой одеждой, принижает голос ровно настолько, чтобы продавщицы слышали:

– Господи, ну и цены! А скидки?! Вот **у нас** это скидки: сразу в три раза. А это не скидки, а насмешка: на сто, на двести рублей. Убожество какое!

Небрежно перебросав вешалки с платьями на низеньком контейнере, осведомляется:

– Это распродажа? Сэл аут?

– Почему распродажа? Одежда только из Польши. Обратите внимание на качество, – не выдерживает хозяйка, которую вызвали обслужить важную гостью. Гостья хлопает ресницами:

– Вы что, сразу и обиделись? Просто **там**, откуда я приехала, на этом месте в углу при входе обычно выставляют распродажу... Уж спросить нельзя, – впрочем, она, кажется, довольна, что хоть кого-то вывела из себя, поддела. Шепчет: – Ишь. Оби-иделась она. Попробовала бы **там** обидеться. Быстро бы прогорела со своим бизнесом.

За тот месяц, что здесь живёт, она построила на раз-два всех продавщиц в местном супермаркете. Если к кассе перед нами стоит три человека, приходит в неистовство:

– Безобразие! Где эти бездельницы? Ваша задача обслуживать покупателей. Покупатель для продавца, а не наоборот. Копаются как неживые. Где ваш мэнэджэр? Дайте мне немедленно телефон управляющего!

Теперь, едва она входит в магазин, даже старшие по залу бросают выкладки товара, оформление ценников и накладных, и в панике несутся открывать персональную кассу для грозной ВИП-покупательницы...

Не знаю, может с ними так и надо? Но мне жаль девочек. Им самим не сладко. Кроме того, я бывала в заграничных магазинах. Поверьте, в них и народу на пробивание покупок стоит порой больше трёх, и все спокойны и терпеливы. Не возмущаются, если кассир с непонятливой старушкой возится по пять минут. И в кафе официантки далеко не всегда светятся и лучатся, бывают усталыми и раздражёнными: живые люди...

Кстати, к соседке недавно приезжала невестка-американка. Всегда рот до ушей, всему умилялась и всему страшно изумлялась. Копала картошку и каждый раз приходила в бурный восторг, вытаскивая куст, увешанный клубнями: о том оповещал визг на весь огород. Она их до того только мытыми, в сеточке в супермаркете видела.

И даже горюшко наше – ямы на дорогах – воспринимала как необходимое экзотическое чудо, с вытаращенными глазами, взвизгами и хохотом: «О, мой бог!»

Я спрашиваю новозеландку:

– А ты не можешь без комментариев?

– Не могу! – вспыхивает она. – Если бы ты видела, как *там у нас!* Небо и земля!

Хочется по-детски огрызнуться:

– Ну и сидела бы *там!*

Но она не сидит, а рвётся сюда. Потому что здесь берёзки, низенькие тучки, серенькое, как несвежая простынка, небо, милая пасмурная погодка. Здесь всюду русская речь, в которую погружаешься и в которой расслабляешься, как в тёплой ванне.

И здесь живут давние и верные почитатели её художественного таланта. Она пишет картины: те самые берёзки, тучки, закаты. Бревенчатые избы, заборы, увенчанные стеклянными банками. Завалинки и калитки, старух на завалинках.

За океаном они никому не интересны. Ну, придут на маленький домашний вернисаж русская, украинская и еврейская старушки-иммигрантки.

Дежурно похвалят картины, соскучатся. Едва дождутся кофе и яблочного штруделя, и быстро с творческой темы съедут на невероятные, просто невероятные успехи собственных детей и внуков.

И она тоже будет, тайно зевая, поддакивать и посматривать на часики. Разве это вернисаж?

Другое дело здесь, в родном городе. В душе она не реализовавшаяся артистка. Каждый свой приезд обставляет шумно, масштабно, грандиозно, из ряда вон, как Событие Года.

На уши поставлена вся творческая интеллигенция города. Обеганы и обзвонены газеты и телевидение, все культурные учреждения. Задействованы лучшие местные актёры, чтецы, певцы и музыканты. Выбита бесплатная аренда самого большого зала в ДК. Пущены в ход обаяние и лесть, милые сувениры, намёки на фуршет с водочкой и красной рыбкой.

Естественно, она не может перевезти сюда тяжёлые картины для экспозиции. Они сфотографированы и умещаются на маленькой флэшке. Слайды будут сменять друг друга на большом экране на сцене, под музыкальное и речевое сопровождение.

Ведущая по бумажке станет вызывать в строгой очерёдности зрителей: возносить авторшу до небес, славословить, восторгаться, осыпать комплиментами.

Художница вылавливает по всему городу знакомых, полужнакомых и едва знакомых. Задушевно берёт маленькой мягкой, но цепкой лапкой за рукав, снизу вверх заглядывает в лицо. Тревожно напоминает:

– Общие слова мне не нужны. Конкретно по каждой картине, плиз. Вот эта берёзка, которая символизирует то-то и то-то... Эта калитка, которая выражает... Кувшин на заборе, олицетворяющий... Андэстэнд? Я тут написала, пожалуйста, выучите наизусть. Я не люблю, когда по бумажке...

Добившись обещаний детально «похвалить» картины, отворачивается и закатывает глаза. Ах, с каким неблагодарным, сырым, грубым материалом приходится работать ради высокого искусства. Сырой и грубый материал – это публика. Но ей, как солнце цветку, каждый час, каждую минуту необходимо подтверждение этим материалом её таланта.

– Ах, ну право! – кокетничает она. – Так и уж гениально? Я умоляю: мне не надо лести, говорите только правду. Я художник, я привыкла к отрицанию, непониманию... К мелким подкалываниям, творческой зависти... Сорри.

Бывает, критик поддается на провокацию и действительно посмеет робко усомниться в какой-нибудь картине, выразиться о ней не в самых высокопарных, восклицательных выражениях.

Её лицо мгновенно каменеет, мертвеет, чернеет даже. С этой минуты для неё нет врага хуже, чем несчастный критик. Который мог бы держать своё мнение при себе, глубоко засунув его в одно место.

У меня есть кузина, которая проводит юбилей следующим образом. Поднимается на подиум в зале ресторана, и тамада приглашает всех знакомых и родственников с подарками на сцену. Хлопает в ладоши: «Все, все сюда, непременно все! С подарочками! Никто не забывает подарочков! Никого за столиками не остаётся!»

Каждый – кто бойко, кто скомкано – превозносит виновницу торжества до небес, награждает разнообразными восторженными эпитетами. С выражением зачитывает из глянцевого открыток длинные поздравительные шедевры:

*В юбилей тебе желаю
То, о чём сама мечтаю:
Не болеть и не хандрить,
По больницам не ходить.
А ходить по ресторанам,
По Парижам и Багамам.
Чтоб любимый баловал,
Чаще денежку давал.*

Пунцовая от удовольствия юбилярша сидит на стуле. К ней тянется, топчется, переминается очередь из поздравителей. Прижимают и тискают подарки, коробки, конвертики с деньгами седые, старше именинницы, дядюшки и тётушки, дедушки и бабушки. Церемония растягивается на час и больше. Тамада зорко следит, чтобы ни один дезертир не улизнул со сцены.

Похоже на дрессированных собачек. По команде: «Ап!» – они перевёртываются через спинку, на задних лапках исполняют польку-бабочку, прыгают через кольцо. Исполнив номер, получают свой кусочек сахара, в виде поощрительной, снисходительной улыбки и поцелуя влажными, липкими морковными губами. И с облегчением маленьким стадом убегает за кулисы.

Примерно так и здесь. Какой грандиозный успех! Зрителей полный зал, пришлось ставить стулья в дверях и проходе.

Перед поездкой она читала в интернете газеты, смотрела телевизор и сильно побаивалась. А ну-ка, на волне патриотизма скажут: «Уехала – ну и на здоровье. Чего здесь позабыла?». Но оказалось, здесь по-прежнему все такие родные, милые, простые. Так трогательно, наивно и искренно расспрашивают, как там за океаном...

Я понимаю милую художницу. Ей, как воздух, необходимы эти приезды, встречи, восторги. Сильно преувеличенные, как всегда бывает на презентациях. (Великолепно! Потрясающе! Гениально!).

Каждый оратор разливается соловьём, старается превзойти предыдущего в похвалах – хотя, кажется, превосходить уже некуда, и истошились, и кончились восклицательные эпитеты, и пересохла языки, и выступления напоминают шипение и скрип заезженной пластинки.

Но она не замечает фальши. Она подпитывается, подзаряжается, поворачивается тем и этим бочком, греется как кошечка на солнце. Жмурится и наслаждается всеобщим благожелательным вниманием. Она воображает себя упавшей звездой: вспыхнувшей, мелькнувшей, озарившей серые будни соотечественников.

Вращается, блистает, купается в лучах славы и любви. Но схлынула эйфория, затихли речи, погасли люстры, задёрнут экран. Съедены дешёвые торты и выпито сторублёвое шампанское.

Зрительницы, в основном её ровесницы, ещё здесь, прощаясь, целуют и обнимают виновницу торжества. А мыслями уже в насущных заботах предстоящего дня. Все возвращаются домой, и только она уезжает на ПМЖ.

Сын и сноха – молодые, легко вписались в тамошнюю жизнь. Сын выразился предельно ясно: «Родина там, где тепло заднице». Внуки, рождённые за океаном: светлоглазые, с копнами выгоревших волос – они уже готовые новозеландцы.

И только она, уехав, звонит и звонит, плачет и плачет в телефон. Выплакавшись, крепко высморкавшись, каждый раз берёт с меня страшную, страшную, страшную клятву (иначе меня покарает Бог), что я никому в нашем городе не расскажу о её одиночестве и тоске. Там, за океаном.

Звезда не имеет права тосковать. Тоска постыдна и унижительна – это признак того, что человек не состоялся, не сделал карьеры, что он не успешен, что слабак. В конце концов, посети личного психоаналитика, заведи собаку, прими антидепрессант – и не разводи сырость, не порть окружающим настроения.

– Пока, – говорю я. – Давай не хандри. Твори, пиши новые картины.

– Этим и живу. Только умоляю, помнишь наш уговор? *Нашим* об этом никому. Всем говори, что у меня всё замечательно, всё прекрасно, всё о кей...

ТЫ МНЕ – Я ТЕБЕ

– Ой, ноженьки мои, ноженьки! К концу смены гудом гудут, ноем ноют. Только и дашь поблажку на конечной остановке. Забросишь их, опухшие, распаренные, на соседнее сиденье, скинув сланцы. А чаще и не скинув.

Народ – свиньи. («Швиньи», – шамкает одна бабушка-дачница, берущая штурмом, дерущаяся за свободное место). Бросают на сиденья запачканные сумки, шмякаются грязными огородными задами. И насрать, что после них чистая публика сядет...

Ноги мои, ноженьки, ластоньки мои бескрылые! Плотные аптечные чулки для вас – как мёртвому припарки. В других городах, ведаешь: пассажиры сами к кондуктору подходят, оплачивают проезд. Чудеса в решете! Потому понимают: кондуктор за смену натопчет километров тридцать. Для него каждый шаг как чугунный. А им, в свежинку, в прохладцу, в охотку – чего пару шагов не ступить?

Только не верю я. Вот ехал бы в автобусе нашем губернатор или мэр, или знаменитый артист... Все бы повскакали: «Ах, ох! Автограф пожалте». А что им наш брат кондуктор... Не велика птица: облуга, чего изволите, пшёл вон...

Вон компания подростков ввалилась: гомонят, гогочут. Протопали мимо меня берцами в самый конец автобуса, развалились, дурные журавлиные ноги в проходе раскидали. Руки бы у них отсохли, мимо проходя, расплатиться?

Нет, тётка, тащись через весь автобус, обслуживай. Они сидят – ты стой, переминайся, как лакей. Жди, когда они нарочно неспешно по карманам шарят, копеечки выуживают. А ничего, что тётка за смену курсирует за смену раз триста туда-сюда?

Раньше-то я на стройке ломила, штукатуром-маляром. Работка ничего, прибыльная. Когда красочку там, лак, клей импортный налево толкнёшь. Прораб: «Р-р-ры!» – а я ему: «Что я, жру твой лак?!»

Но двадцать лет назад врачи грыжу нашли, посоветовали лёгкий труд. Пришлось распрощаться и со штукатурками, и с малярами. Взяла газетку вакансий. Меня одно объявление в газете завлекло, чисто стихи. Видно, поэта для рекламы привлекли:

«Ты должна прекрасно выглядеть!

Ты должна быть «железной леди»: улыбаться, даже когда хочется кричать и плакать!

Ты должна быть выносливой как гранитный камушек. В самые свирепые эпидемии оставаться неуязвимой, находясь в крохотном замкнутом пространстве мчащейся «капсулы»!

У тебя должна быть великолепная зрительная память: запоминать с первого взгляда проходящих мимо сотни людей!

Ты должна быть кристально честной, так как будешь иметь дело с материальными ценностями.

Ты должна ослепительно выглядеть! Впрочем, полгода работы у нас сделают тебя стройной как чинара!»

Молодая была, заинтриговало то поэтическое объявление. Кого, думаю, набирают? Космонавтов? Резидентов, Штирлицев? Служащих в банковские ячейки? Стюардесс?

Оказалось, господи прости, кондукторов на внутригородские рейсы. А материальные ценности – это засаленная кожаная сумочка с пятаками. А мчащаяся замкнутая капсула – раздрызганный маршрутный автобус.

– А вы и есть стюардессы! – с жаром принялась меня вербовать женщина из отдела кадров АТП. – Только те в небе, а вы на земле. Мы вам и униформу пошьём: голубенькую, с серебряными крылышками.

– Тогда уж с серебряными шинами шейте, – говорю.

В ту пору, в девяностые, это дело новое было. Ну, как новое: в середине прошлого века катались в общественном транспорте кондукторши.

Потом их контролёры заменили, хватали «зайчиков» тёпленькими на выходе. Водитель сам продавал книжечки такие, по двадцать талончиков. Много продаст – премию получит. В автобусах зубастенькие железные коробочки развесили: компостеры. Отсюда выражение появилось: «Ах, не компостируйте мне мозги».

Смех и грех, меня больше соблазнило обещание про стройность и чинару. Я уже тогда аппетитный поросёночек была. А чем чёрт не шутит: возьму и похудею. Даже модные журналы советовали: «Ваши походка и осанка станут грациозными и изящными, если в автобусе во время поездки вы постараетесь удерживать равновесие, не хватаясь за поручень». А тут не одна поездочка, а десять кругов каждый день придётся наматывать.

Правда, не помогла мне эта гимнастика. Вишь, как разнесло. Но приноровилась, просачиваюсь, протекаю ртутной капелькой в проходе. Стиснутые пассажиры только охают, попискивают и возмущаются, что таких толстух набирают в кондукторы. Уволить, мол, меня надо за профнепригодность.

Какие мы нежные. Ничо-о, не в международном самолёте летите, потерпите. Не нравится – ездите в такси.

М-да... Вот он, лёгкий труд. Спящего на заднем сиденье здорового бомжа растолкала и еле выпроводила – теперь из салона кислую вонь за всю смену не выветришь.

Пока с ним возилась, одна старая клюшка кассету с яйцами на сиденье опрокинула. Нашкодила – и бочком, бочком к выходу. Я её перехватила в дверках – она двинула локтём в мой больной пах – и выкатилась горошком. Вон они какие, тренированные, нынешние пенсионерки.

Я-то до пенсии точно не доживу. Вся на нервах, работа пёсая. И в паху ноет и ноет – надо бы до больницы добраться, да всё некогда. Время летнее, отпускное, некого на подмену поставить.

Из салона несёт адским пеклом, как из раскалённой духовки. Кажется, брызни дождик – обшивка зашипит. Но дождика нет – и места свободного в автобусе нету. Народу битком – а бабкино сиденье пустует. Понятное дело, никто на растёкшиеся желтки садиться не хочет.

– Кондуктор, почему у вас кресло грязное? Почему в автобусе вонь, как в бомжатнике? Ваша прямая обязанность – поддерживать в салоне чистоту и порядок!

– А ваша обязанность, – огрызаюсь на шибко грамотных пассажиров, – соблюдать в салоне чистоту и порядок. Я, что ли, насвинячила? Ваш же брат пассажир. Мне бы зайцев успеть обилетить.

О, зайцы, это отдельная поэма! Мальчишечка один, школяр, пристрасился бесплатно ездить. На свой страх и риск пару раз закрыла на него глаза. На третий легонько к выходу подтолкнула: «Кто за тебя, Филиппок, платить будет? Дядя Ваня Мичурин?»

Так весь автобус на меня набросился. Господи, господа: их бы воля – живьём сожрали. Ох, зол человек пошёл. Ей Богу, будто моих пассажиров в целях эксперимента год держали в клетке и озверином кололи. А потом тот опытный загон отомкнули и всем скопом – в мой автобус.

Да как я посмела на маленького, да небось верзилу бы не вышвырнула, да только и умеете с о старыми да малыми воевать. Да вон у него какой огромный рюкзак: бедняжечку за ним не видно. Да протащить эту кондукторшу в газете, да в интернет её на всеобщий позор, да распни, ату её!

Тут я крепко испугалась, потому что у нас в АТП инциденты были. Напарница Вера отправила одну безбилетную молодайку пройти остановку пешочком. А молодайка и окажись беременной: под шубой-то не видно!

А на улице, как на грех, минус восемнадцать. Так эту историю месяц на первых телеканалах во всей эРФэ тёрли-обсасывали. Как будто других новостей у нас уже и нету, кроме этой новости №1, и во всём остальном сплошной рай и коммунизм.

На все телешоу подряд вызывали и молодайку, и Веру эту несчастную. Один старик из зрителей затрясся, клюкой замахнулся и ей в лицо плюнул. И вся студия – ну аплодировать стоя, прямо овация. Прославили бедную Веру на всю страну. Нашли овцу отпущения.

Вера на первом этаже живёт, так какая-то молодёжь, активисты, у неё окна камнями перебили. Всю ночь скандировали:

– Фа-шист-ка! Фа-шист-ка!

А она, между прочим, одна троих детей поднимает. И обнаружь контролёры в её автобусе «зайца» —вычли бы из Вериной зарплаты штраф, как у миленькой. Как хочешь, так и мечись между двумя огнями.

Начальство вызвало и сказала:

– Всё понимаем, Вера, но увольняйся. Нам такая слава не нужна.

Именно после Веры у нас в АТП штатный психолог появился. И вот, как тот психолог учил, я разумно и вежливо говорю:

– Граждане и гражданочки, рыбы мои, ведь меня за этого ребёнка оштрафуют, мама не горюй.

Так один молодой человек по карманам начал шарить – долго так, с издёвкой, показательно шарил, чтобы все видели. Наскрёб мелочь – и мне с размаху в лицо: «Подаvisь, мол». До сих пор в глаз левомицетин капаю – пятирублёвиком попало, краснеет и слезится. М-да, народ – швины.

Говорят, жульничает, мухлюет с билетами наш брат кондуктор... А я так скажу: это разве жульничество? Да по сравнению с тем, как *наверху* воруют – это ж мы сявки жалкие. Это нам как молоко за вредность.

Скрывай – не скрывай – а все кондукторы уж с утра знают, на какой линии и в какие часы будет лютовать контроль. Сарафанное радио донесло: до обеда на маршруте чисто.

На животе у меня рулончики билетов. Я делаю вид, что отрываю от рулончика, а сама с треском рву припасённый в рукаве угол газеты и выдаю пассажиру использованный билет. Этих билетов полная железная урночка при выходе – пригоршней черпай. Ещё немного – и смене благополучный конец.

Успела, а то со встречного маршрута Валентина сигнализирует: контролёрши поменяли дислокацию, перебежали на мой маршрут. Без рабочей солидарности в нашем деле никак.

Ох, кормилицы, ноги мои, ноженьки! Опять на обед заработали. А я вас за это дома прохладную ванночку наведу, ментоловой мазью намажу, в капустные листья оберну. Заброшу на валик дивана, на подушки – и сериал включить: лучшее снотворное.

Но это вечером, а сейчас на конечной остановке – сделаю массажик. Шофёр Коля из кабинки высунул смеющееся потное лицо, нос картошкой:

– Давай тебе профессиональный массаж сделаю! Гарантирую: понравится!

Я ему устало кулаком погрозила:

– Много вас, охотников! У тебя жена есть – ей делай!

Хороший он водитель, Коля. И человек хороший, лёгкий. От того, с кем работаешь, очень настроение зависит. И психолог говорит:

– У вас работа публичная. За окном может быть пасмурно и холодно. А у вас в салоне чтобы всегда солнышко светило. И солнышко это – вы.

Ещё бы нормальной зарплатой то солнышко подзарядить. Одна ядовитая дамочка ткнула тощим, острым маникюренным пальцем в мою грудь, уязвила:

– Ваша профессия жалкая и унижительная, – говорит. – Всю жизнь с протянутой рукой. Я не обиделась, легко согласилась:

– Да, матушка, с протянутой. Но ведь для вас же, не себе в карман.

Взрослые – они как дети, только взрослые. Чуть что, капризничают, топают ножками, всяко обзываются. Обманывают наивно, по-детски.

Вон тощая пассажирка, моя ровесница, зыркнула цыганистым глазом. Отвернулась к окошку, бросила сквозь губу:

– Льготный проездной.

Я культурно попросила её предъявить пенсионное удостоверение. Снизолшла, показала высунутый из кармана уголок книжицы. Я – хватать книжицу. И что?! Старый комсомольский билет! От шкрыдла!

Пассажирка, сверкая дегтярными глазами, оправдывалась, мол, кошелек дома забыла. Что, дескать, развалится автобус, если её три остановки провезёт?

Не развалится, матушка. Ну, да и ты не развалишься, если ножками эти три остановки протопашь. Ну, люди! Разве придёт им в голову зайти в магазин и цопнуть буханку хлеба даром? На том веском основании, что кошелек забыли, а магазин без одной буханки не развалится и не обеднеет?

И опять весь автобус против меня взбунтовался. Тоже пассажирская солидарность. Чего только в свой адрес не услышала. И что зверствуем, что только и знаем цены на проезд поднимать, а по маршруту бегает древние развалюшки. Ладно, Коля в микрофон пригрозил тормознуть. Дескать, с места не сдвинется до тех пор, пока буча не прекратится.

А пенсионерка, ссаживаясь, обозвала меня напоследок жабой, жирной пучеглазой. Так и живём.

На крылечке Любу уже ждали приبلудные кошки. Встали, нервно, волнами подёргивая спинками и хвостами (драгоценные шкурки переливались), тёрлись о Любины ноги. Ждали завтрака: копчёных обрезков, колбасных хвостиков, лужицы молока из прорванного пакета.

На каком бы месте ни устраивалась Люба – о том тут же прознавали все местные бродячие кошки. Глядь: опять у неё сытенько нежатся под прилавком, пузами кверху.

Сколько Люба через них получала нагоняев и даже штрафов от санитарной службы. А как их выгонишь?! Живые ж души! Вот у тех, кто кошек заводит и потом выбрасывает – души чёрные, как дёготь. И бродить им на том свете вечно бездомными кошачьими тенями.

Если бы Любу спросили, что в человеке первично: корысть и зло – или доброта, щедрость и совесть (слова «альтруизм» она не знала) – она бы ни на минуту не усомнилась. Конечно, добро и совесть

Человек изначально рождается абсолютно, кристально честным и совестливым. Это уже потом нарастает всякая накипь, плесень.

Иначе почему, если человек нечаянно оставит на прилавке покупку или кошелек – первым Любиным произвольным, автоматическим, инстинктивным порывом бывает крикнуть:

– Гражданин рассеянный, ничего не забыли?

– А?! Что?! – испуганно дёргается гражданин.

Тут ему и снисходительно вручается находка. Хотя свидетелей нет: можно равнодушно смахнуть в карман – и морду валенком: поди докажи. Видеокамеры нет, не додумались ещё, слава Богу. А ведь не раз и суммы солидные в разбухшем от купюр кошельке оставлялись, и серёжки золотые падали. Но срабатывает природная честность.

Обвесы, обмеры, обчёты – это не в счёт, это другое. Это испокон веку заведено, вроде игры между продавцом и покупателем. А не будь лапшой, держи ухо востро!

И то, когда юная Любаша пришла в торговлю – первым-то жестом было сдачу вернуть сполна, товар взвесить до грамма. Понадобилось время, чтобы заматереть, попривыкнуть, усы-

пить в себе её, непрощенную честность. Перебороть, перешагнуть через себя, сломать, совершить над собой насилие, сердцу обрасти шерстью. Густой и чёрной, как на хозяине фруктовой палатки Алике.

Но ведь эта-то ломка как раз доказывает, что в человеке изначально заложено хорошее, честное. Портят его жестокие обстоятельства. В Любином случае обстоятельством был хозяин фруктовой палатки Алик. На вопрос молоденькой продавщицы о зарплате горланно рассмеялся: «А сколько за дэнь *свэрху* сдэлаэш – всё твоё».

После Аликовой фруктовой палатки Люба много где работала в системе торговли. Условия там были не такие дикие и средневековые. Соглашалась только на белую зарплату и полный соцпакет. Жила, училась, познавала маленькие профессиональные лукавства.

Допустим, на развесе, прежде чем паковать сахар-песок в мелкую тару, оставляла рядом с раскрытым мешком ведро воды. Через сутки ведро было сухим – а сахар значительно влажнел и тяжелел. Потому – продукт ги-гро-ско-пич-ный! Химию надо в школе учить, граждане!

Или просроченные ценники перепишет – это само собой, классика жанра. Или срежет со списанного сыра пушистую зелёную плесень – и обратно его на прилавок.

В кулинарном магазине, грешна, мухлевала с одноразовой посудой. Выбирала из корзины немятые использованные пластиковые тарелочки и стаканчики, не сломанные ложечки и вилочки. Споласкивала под краном – а чаще и не споласкивала – и снова в дело.

Спасибо Митрию Анатоличу, родимому. За его «хватить кошмарить бизнес» – торговля, общепит и разная прочая фармация – должны ему из золота памятник в полный рост отлить.

Ему что: сказал, как в лужу дунул. А сколько народу было, есть и будет одурачено, облапошено и потравлено, когда и насмерть... Это ли Любе не знать. И-и-и, кто его считал, обиженный народ-то.

А самый-то главный двигатель торговли, не только торговли – прогресса! столп мироздания! – это свято соблюдаемый принцип: «Ты – мне, я – тебе». Делиться надо уметь, граждане: с кем надо, когда надо и сколько надо, засекайте себе на носу. И тогда всё будет в шоколаде.

Люба всегда имела в день рублей триста-пятьсот притошки. Иначе и день прожит зря. А всё ради кого? Всё ради света в окошке, исключительно ради любимой и единственной внучки Анечки, худенькой черноглазки, в бабушку. Вместо папки в свидетельстве о рождении прочерк. Мамка усвистала с кавалером. А Анечка выросла устойчивая, строгая и ответственная, в бабушку.

По бабкиным торговым стопам не пошла. Выбрала работу хлопотную и безденежную: медсестрой в хирургии. Глаза вечно красные, воспалённые, не выпавшиеся, под ними тёмные полукружья.

В первое время страдала, убивалась, плакала втихомолку, с каждым пациентом болела и умирала. Потом вроде попривыкла. Люба сделала вывод: чтобы стать профессионалом с большой буквы – всегда нужно перешагнуть через себя, зачерстветь, ожесточиться. Немножко дать коже – задубеть, сердцу – обрасти шерстью.

Анечка простодушно радовалась золотым серёжкам, новому пальто и красивым дорогим сапожкам. А откуда бабка берёт деньги – ни к чему ей знать, пачкаться в эту грязь.

Не от мира сего: вся в работе, в своей больнице, в своих стационарных пациентах. Читает толстые книжки – собирается поступать в медицинскую академию. Хочет стать хирургом, как Сергей Ильич. Он для неё первый кумир и авторитет на свете. Дома только и щебечет: «Сергей Ильич пожурил...» «Сергей Ильич в пример всем поставил...»

Оперяйся скорей, ластучушка, и лети навстречу своему счастью. Всё ради тебя, милая. Вот неужели Люба не заработала себе на такси, чтобы проехаться с ветерком в прохладе?

Но она садится в раскалённый, битком набитый автобус, а если повезёт – и задаром прокатится. Копеечка к копейке – рубль: Анечке на будущую учёбу.

Ехать на работу три долгих остановки. Чаще удавалось прошмыгнуть зайчиком: Люба маленькая, худенькая, в невзрачном платице. Сразу ныряла на свободное место, прикрывалась журнальчиком или отворачивалась к окошку.

Сегодня кондукторша попалась вредная, пристала как банный лист. Сама толстая, глаза пустые, выпуклые, стеклянные. Жаба. У такой проси – не проси, на коленки становись – не сморгнёт. Для этих случаев Люба имела в кармане комсомольский билет, где на фото она сама: ещё девчонкой с озорными косицами.

Люба уже на пенсии, дважды в месяц густо чернит седину. А вышвырнули из автобуса с позором, на виду у добрых людей, как ту девчонку с комсомольской фотокарточки.

Так вдруг стало обидно. Кто она, кошка безродная, что жизнь пинает и пинает её под задницу? Очень, очень обидно.

По ту сторону прилавка замаячил, завихлялся очередной тип. Намётанным взглядом видно: трубы горят. А сам, видно, блатной, только из отсидки. Лоб страдальчески сморщен мелкой гармошкой. Лицо обтянуто синюшной кожей. Глаза круглые, вытаращенные, испуганно-отчаянные. Как будто увесистый кабачок в задницу с размаху вогнали, а обратно вытащить забыли.

Вот сейчас надрывно рванёт пиджак: «И-эх, ды скока я порезал, скока перерезал. Ды скока душ погубил...». Рот беззубый, проваленный, как у старика – а сам молоденький.

Анькин ровесник, поди. Только девчонка вкалывает сутками – а этот шпендрик синий от татушек. Приплясывает, пританцовывает от нетерпения, только что чечётку не бьёт. Ишь, приспичило.

Круглые блёклые глаза стреляют туда-сюда, в поисках чего стырить. Люба, на всякий случай, глубже задвинула ящичек в кассе. Водку ему подавай. Счас, разбежался.

– После десяти не отвариваем.

Шпендрик завибрировал, задохнулся от возмущения:

– Дык, ещё три минуты до десяти! Быстрее, а, тётяшка?!

– Паспорт.

– Бли-ин, тётяшка, да мне двадцатник стукнул.

– Паспорт.

Шпендрик тоненько завыл: «Уй-ю-юй! Без ножа режешь, тётяшка».

Племянничек выискался. Люба листала занюханный паспорт (потом не забыть руки помыть, ещё лобковую вошь или какую другую пакость подцепишь). Делала вид, что вчитывалась в потрёпанные страницы. Как кондукторша сегодня – в Любин комсомольский билет.

Краем глаза наблюдала за настенными большими круглыми часами. И когда долгая стрелка подползла и вздрогнула на 12, удовлетворённо захлопнула паспорт:

– После десяти не отовариваем.

Ныка (откинувшийся со срока на днях) вразвалочку шагал по центральной аллее парка и энергично общался с дружбаном по мобиле. В разговоре Ныка использовал ненормативную лексику привычно, как междометия, для связки слов.

Конец мая, деревья в болотно-зелёной жиденькой плесени, пахнет сладкой гнилью... Июнь, а уж жарко. Ныка расстегнул курточку: хороша свобода-сука! Вот и корешка по телефону нашёл, а с ним хату и хавчик.

Общаясь, Ныка не без удовольствия заметил, что вокруг него образовался вакуум, пустое пространство. Гуляющие под ручку пенсионерки, молодые девчонки с колясками – торопливо, кто испуганно, кто безразлично, обегали и объезжали его. Его конкретно боялись.

Это Ныке понравилось. Он прибавил звук на полную мощность. Сыпал срамными словами уже весело, беззубо щерясь, оглядываясь и отмечая реакцию окружающих.

Там, на зоне, не было существа забитее и пугане Ныки. Питался на полу у двери. Столом служила полустгнивший, воняющий мочой деревянный круг. Каждый раз после обеда он его оттаскивал в уборную и закрывал им унитаза, как крышкой.

Вместо полотенца – половая тряпка из мешковины. Ложка чудная – деревянная штука-вина, на одном конце выдолблена выемка-черпачок. Им Ныка зачерпывал суп и кашу. Туда любой мог плюнуть, сморкнуться или ещё чем похуже опростаться. Другой, толстый округлый конец был скользок от вазелина. Как Ныка его ни отмывал под краном, вонял калом. Для раз-работки.

За что сокамерники столь жестоко обошлись с Ныкой, за какие дела он вообще загремел на зону – не играет значения и не имеет роли. Совать нос в чужие дела, знаете... Ныка сам пострадал за любопытство: кончик носа у него был срезан бритвой по касательной, розовел молодым нежным шрамом.

Даже отрядная любимица, пушистая кошка шарahalась и брезгливо огибала Ныку за метр: иначе последует жестокая порка за уши.

Ныка шёл по пустой аллее, кум королю. Понтово выбрасывал кривоватые тощие коленца в фасонистых брючках, лыбился голыми розовыми дёснами, матерно шамкал в трубку, распу-гивая народ. Он, жалкий Ныка, был хозяином аллеи. А раз аллея центральная в городе, то и, считай, хозяином города!

Хорошо! Улица – моя, дома – мои!

Навстречу шла молодая семья: спортивный парень, молодая жена, совсем соплюха зелё-ная, ковылял на толстеньких ножках ребёнок лет трёх.

Все трое омерзительно чистенькие, по-летнему в светлых футболках, в кипенно-белых шортах. Видно, что жизни не нюхали.

Ныка поддал в голос громкости, блудливо скользнул глазом по гладкому розовому бедру девчонки. В тему выхаркнул в мобильник особенно грязное словцо. Типа, шалашовка отпадная мимо шлэндрает... Жопка ништяковая, кругленькая... Отыметь бы её... В жопку-то круглую.

Краем глаза видел, как сжались кулаки у парня, как он шагнул к нему... Вот, ей Богу, чуть не обделался Ныка со страху слабым испаханным, уработанным кишечником. Но девчонка повисла на локте парня: «Гриш, не связывайся! У таких всегда нож за пазухой...» Он и сник, опустил глаза. Ссыкло.

Ножа у Ныки не было: он что, совсем ушлёпок? При первом шмоне за ношение холодного оружия навесят то, чего было и не было... Но он, довольный ослабившись голыми дёснами, сунул худую слабую руку глубоко в карман и даже оттопырил: будто там и в самом деле чего водилось. Навёл палец на малыша: «Пу!»

Эх, видел бы кто в этот момент Ныку! Он, не глядя, брякнулся на скамью, вертя головой на тощей жилистой шее: кого ещё поддеть. Аллея испугалась Ныки – и опустела, вымерла.

– Кого я ви-ижу! Ныка своей персоной! – ласково пропел знакомый голос. На скамейке, хозяйски разбросав гориллы лапы, широко расставив ножищи, сидел вонючий бомжара.

Типун на язык Ныке! Это с точки зрения окружающих тот был бомж – а в бараке носил крепкое, покойное, нейтральное звание «*мужик*». И погоняло имел подходящее, достойное: *Земеля*.

Сегодня утром Ныка оказался с ним в одном автобусе. Там, как того требовал уголовный этикет, работая локтями, он должен был со скоростью пули пробиться в другой конец салона и панически выпрыгнуть на первой остановке.

Чего не сделал, а, вопреки иерархической лестнице, передал через него кондукторше горсть чьих-то пассажирских пятаков. Коснулся мужика *неприкасаемой осквернённой* рукой. Да нечаянно он, святой истинный крест! Не видал, не видал он Земелю!

Хмельной воздух свободы сыграл с Ныкой, как с профессором Плейшнером, злую шутку. И теперь, вскочив со скамьи как ужаленный, разом съёжив плечи, слишком узкие для пиджака, покорно ждал своей участи.

– Не парься, Ныка, – великодушно снизошёл знакомец. – Моли боженьку, чтоб никто из наших твоего косяка не видел. А я – могила. Швейцарский банк. С тебя причитается. Давай дуи за водярой, пока тикает.

Ныка полетел к винно-водочному магазину, что называется, впереди собственного изображения. Пиджачишко, как парус, надувало ветром.

...Как славно начинался день и как паршиво для Ныки кончился. Пацан, с кем перетёр насчёт ночлега – внезапно и безнадёжно исчез из зоны доступа. И эта роковая встреча с Земелей в автобусе, потом на скамейке – ни к чему хорошему не приведёт... У эков своё государство в государстве. И ещё неизвестно, чьё крепше – так-то вот. Весточки, особо такого щекотливого, деликатного свойства, типа Ныкиной оплошности, разлетаются быстрее шуганных воробьёв.

Особенно бесила чернявая проשמандовка в винно-водочном, отказавшая продать водку. Подбоче-енилась стоит. По морде видно: доставляет удовольствие издеваться над Ныкой.

И мучило недоумение: зачем она так?! Ведь выгодно ей, старой манде: наоборот, прибыль. В данном вопросе у продавцов что-то вроде солидарности со страждущими. А этой – то ли вожжа под хвост, то ли моча в голову. Коза крашенная. Старая шкрыдла. Мужики мало дерут, небось, не хватает – вот и бесится.

Сейчас продавщица, небось, дрыхнет сладким предрассветным сном. В этом многоэтажном доме... Или в том. А Ныка плетётся, как бездомная собачонка. На автостоянке плотными рядами стояли понтовые навороченные авто. Не, ну почему одним всё, а другим вазелиновый член в задницу?! Взял и двинул ботинком по лаковой автомобильной дверце.

– Тиу-тиу-тиу! – с готовностью пронзительно завопила сигнализация. Получай, продавщица хренова! Ныка залез под грибок на песочнице, затаился – наслаждаться звуками.

Никто не выскочил с проклятиями на балконы и лоджии – высотный дом мёртво молчал. Терпилы, ссыклы.

Но Ныка знал: это дом снаружи молчит. Там, внутри, в недрах тёплых сонных зашторенных спален, где-то заплакал разбуженный ребёнок. Взметнулась растрёпанная чувырла, продавщица. Какой-нибудь задохлик-пенс схватился за сердце и окочурился. Что, гады, вставил вам Ныка по это самое?

Через минуту автомобильные вопли заткнулись: хозяин отключил сигнализацию с пульта. Решил, что кошка. Ныка ещё посидел. Пускай законопослушные граждане задремлют, потеряют бдительность. И, уходя, подпрыгнул не хуже Джеки Чана, злорадно шарахнул ногой по стеклу другого автомобиля. И второго. И третьего.

– Яу-яу-яу!

– Ква-ква-ква!

– Плю-плю-плю! – разнообразно, заполошно заверещали машины.

Теперь можно тикать в кусты. Славная музыка, концерт для фортепиано с оркестром, век бы слушал. Хорошо! Улица – моя, дома – мои!

Уже были пройдены все стадии бессонницы. Сначала зевота и недоумение («Что-то сегодня не выспался»). Потом хроническая тяжесть, отрешённость и мучительное желание рухнуть и уснуть на месте. И, наконец, тупое лошадиное смирение и приспособливание: жить

и работать на автомате. Засыпать в ту же минуту, где присел и прилёг, и даже стоя – тоже как лошадь. Эти несколько перехваченных минут дремы были для Сергея Ильича равносильны тому, что для других часы полноценного сна.

Если бы существовал детектор бессонницы – подсоединённый к Сергею Ильичу, он бы издал дурной вой, замигал всеми разноцветными лампочками, задымился штекерами и проводками – и погас, умер.

Это при том, что работа Сергея Ильича требовала ясной головы и строгих и точных, как ход часовых стрелок, движений пальцев.

Он работал хирургом на две ставки. Ночные дежурства, экстренные операции – а таких оказывалось больше, чем плановых, бесконечные подмены... В последнее время хирургия всё больше приобретала женское лицо. А женщины – это декреты, дамские недуги, вечные бюллетени по уходу за детьми. Сергей Ильич хорошо понимал коллег: у самого росли дочки-близняшки.

Конечно, была дача, поездки в деревню к тёще. Но уверовавшие в золотые, волшебные руки молодого хирурга, родственники больных звонили в ночь-полночь. Вылавливали на даче, в деревне, из гостей в соседнем городе, со дна морского... Мужчины падали на колени, женщины рыдали: «Спасите доченьку (сынка, отца, мужа, брата)! Только вы, только вам...».

Нужно было не дёргать, избавить жену и тёщу от драматических, душераздирающих сцен коленопреклонения и лобызания. И Сергей Ильич на отдыхе потихоньку превратился в домоседа. Отправлял семью, сам оставался домовничать.

Выдавшуюся неожиданно-негаданно ночь полноценного сна он воспринял как дар судьбы. Позволил себе неслыханную, непростительную вольность: отключил телефон. Если что-то из ряда вон, экстраординарное, за ним пришлют неотложку.

Он уже забыл, когда видел сны. Всегда просто проваливался, как в чёрный картофельный подвал. А сегодня приснилась девушка: худенькая, милая, робко влюблённая. Она шла впереди, оборачивалась и улыбалась. Не порочно, не зазывно – просто ласково улыбалась.

Она будто с собой несла свечку, горящую ровным тихим, не колеблющимся огоньком, как в церкви. Она сама была той свечкой, тем огоньком. Сергей Ильич завороченно, как маленький мальчик, шёл за ней.

– Вау-вау-вау!

Плоские, мерзкие звуки выдернули Сергея Ильича из нежного туманного небытия. Кололось сердце – с недавних пор он его начал чувствовать. Как будто кто-то вкрадчиво, мягко, настойчиво затягивал на нём, на сердце, узелок. Сергей Ильич кидал в рот таблетку, потирал грудь – узелок ослаблялся, развязывался до поры, до времени. Но не до конца.

По многолетней выработанной привычке, бросил взгляд на часы. Рано ещё. Закрыв глаза и стал досматривать сон ровно с того места, где прервался. Девушка робко, с надеждой, снизу вверх, взглянула на него. Затрепетала, как огонёк на сквозняке...

– Яу-яу-яу!

– Ква-ква!

– Плю-плю-плю!

На этот раз сигнализация вопила долго. И когда Сергей Ильич, поворочавшись – до звонка будильника оставалось полтора часа – уснул – просто на эти полтора часа провалился в пыльный картофельный подвал.

Сразу по разрезу коагулирующего, слегка дымящегося скальпеля анестезиолог Алёша ввёл дозу местного обезболивающего. Обильно пропитал, накачал новокаином ткани под грыжевым мешком. Пациентка, пожилая полная женщина ничего, терпела. Но жаловалась, что «ох, тянет, будто аборт, только внутри живота».

Сергей Ильич осторожно, чтобы не задеть сосуды, иссёк плёчатые оболочки мешка. Ввёл палец, ощущал изнутри содержимое. Вскрыл, осушил салфетками жидкость: чистая, без примесей и специфического запаха. Сальник и скользкие, неподатливые петли кишок вывел наружу. Алёша ещё впрыснул в брыжейку новокаин.

Теперь тщательно осмотреть место ущемления. Та-ак, ладушки: серозный покров кишки блестящий, упругий, кишочки пульсируют...

– Анечка, в прошлый раз вы к чаю пирожки с ливером приносили – объедение. Рецепт для жены не подбросите?

– Я ещё принесу. Это бабушка у меня мастерица, – расцвела, засветилась от удовольствия Анечка. Под маской – а видно, что засветилась. Что хирург на неё внимание обратил. Какая она ещё девочка.

– Главное, потроха и кишки хорошенько промыть. И жареного луку больше класть, – ревниво блеснула кулинарными познаниями вторая сестра. – И свиного жира кусочками, а то сухо получится.

...И тут, как всегда внезапно, сердце скрутил не узелок, а целый морской узлище. Вот ещё новости. Не хватало грохнуть с инфарктом в операционной над развёрстым живым телом. Напарник Ахмедзянов в соседнем «чистом» зале оперирует привезённую на скорой внема-точную. Молоденький ассистент (первая операция), конечно, попробует заменить... Но вот именно: попробует.

Так. Преодолеть страх тугого узла, вдохнуть ровно и глубоко. Отвлечься мыслями. Между бровей выступила испарина, скопилась в крупную каплю на складке переносицы. Медсестра Анечка промокнула тампоном.

Близко над маской сияющие, страдающие за него огромные кофейные глаза. Восточные мужчины знали, что делали, когда прикрывали лицо женщины чадрой, оставляя мерцать прекрасные глаза.

Девушка из сна – это Аня. Влюблена в него отчаянно, до слёз – а думает, никто не догадывается. А глаза всё выдают.

Алеет, как зоренька, дрожит как деревцо, задыхается от волнения, когда остаются наедине. Глупенькая моя. Но как славно приходит в отделение и знать, что снова встретят распахнутые бездонные тёмные озёрца глаз этой девочки.

«Только утро любви хорошо... Поцелуй – первый шаг к охлаждению».

Вот что им не грозит: поцелуй и охлаждение. Сергею Ильичу в голову бы не пришло изменить жене, тем паче – уйти из семьи. Дикость какая. Это как, допустим, растущий у них на даче дубок подобрался бы, выдернул из земли корни и перебрался в другое место. Как в песне: к тыну, к тонкой рябине.

Сергей Ильич был глубоко порядочным, прочным, матёрым, закоренелым, застарелым, ответственным мужем и отцом, семьянином. Ему было 28 лет.

– Сергей Ильич, вам лучше? Больная...

Узел ослаб – будто сердце обволокло тёплым молоком. А слабость – она преодолима. И – пациентке:

– Ну, молодцом. Всё у нас идёт замечательно. Будете как новенькая.

Операция завершена. Только почему-то пациентка всё время постанывала:

– Ноженьки мои, ноженьки. Ластоньки мои бескрылые!

С тревогой склонился:

– Ноги тянет?

– Не, это я так. Не обращайтесь внимания. Привычка у меня.

А вообще, наркоз на больных по-разному действует. Одна учительница словесности, например, во время удаления аппендикса пела романсы: очень приятным грудным голосом.

И рассказывала, что в полусне к ней приходил то ли Онегин, то ли Печорин. Одним словом, лишний человек.

Нынче лишних людей нет. Каждый человек при своём месте.

ЧЕМОДАН-ВОКЗАЛ-КАВКАЗ

... – Мы идём по тонкой дощечке над ручьём.... Нет, по канату над горной рекой. На голове несём вазу. Одно неверное движение – ваза разобьётся... Бедро узко, изящно скользит вдоль бедра...

– Канатоходец с вазой на голове, прости господи, – это что-то новенькое...

– Руки держим округло, чуть на отлёте. Кисти рук – лодочками! Ножка собирается сладострастно обвить другую ножку, но в последний миг обманывает её и упруго выносится вперёд. И-и – начали! – голос нашей руководительницы утрачивает лирические нотки, наливается чеканным металлом:

– Верхнюю часть туловища зафиксировали намертво. Закатали в гипс. В мрамор! В гранит! Никаких пошлых покачиваний плечами и спиной! Мысленно зажимаем между ягодицами вишенку – а лучше пятикопеечную монету, – командует она. – И па-ашли! Держим монетку в попе намертво, держим! Дробышко, за вами уже мешок мелочи можно насобирать.

Руководительница с чудесным именем Эванджелина в отчаянии смотрит на наш гарцующий: кто во что горазд, кто в лес, кто по дрова – табунчик:

– Эт-то что? Портовые девки отправились на промысел?! Дробышко, прекратите пыхтеть и изображать паровозные поршни! Вахрамеева, вы переваливаетесь, как утка, откормленная на фуа-гра! Это полный провал, девочки!

Возраст девочек 55+. Самая почтенная среди нас – 82-летняя Терентьевна. Справедливости ради надо сказать, что очень пожилые ученицы сидят на скамеечке. Потешаются над нами, прикрываясь ладошками, трясутся в мелком старушечьем смехе. Вы не поверите: самой Эванджелине – без чего-то 50. Выглядит максимум на 32. И домашний телефон у Эванджелины: 90-60-90, вот!

Во дворе её ждёт бледно-розовая перламутровая «ауди». То ли Эванджелина красит ногти в цвет машины, то ли авто покупает в цвет ногтей. В прошлый раз лак на ногтях и краска на «шевроле» были тёмно-синие, с искрой.

Школа Эванджелины стоит бешеных денег. Сюда так просто не попасть, записываются в очередь. Для нашей ветеранской организации полугодовой абонемент за счёт городского бюджета выделил местный депутат и нувориш. Говорят, он любовник Эванджелины.

Вообще-то ветераны просили дневной стационар с бесплатным зубопротезированием и очищением организма по методу Неумывакина. Но нам предложили курс «Красивая походка». На безрыбье тоже неплохо.

«Походкой от бедра, с вишенкой в попе – прямиком на кладбище. И памятник не надо заказывать: бюст отлит в гипсе, в мраморе, в граните», – угрюмо остроумничает Дробышко.

Между прочим, сама не пропустила ни одного занятия. Купила плюшевую пижаму для занятий и ходит в ней на всклокоченного медведя. Говорят, курсанток школы «Красивая походка» мгновенно разбирают замуж. Дробышко очень хочет замуж. Ей 59 лет.

На курс красивой походки меня затащила Эльза. Я с ней познакомилась в «Энергосбыте». Из пяти операторских окошек, как всегда, работало одно. В вестибюле тяжёлым питоном змеилась сонная очередь.

Недалеко от меня худощавая седая женщина с озорным девчоночьим хвостиком проделывала странные телодвижения. Под музыку, судя по торчащим из ушей проводкам.

Трепетала руками, как крыльями, выписывала ногами полукружия. Вставала на цыпочки, по птичьи тянула худую шею. Народ на неё смущённо поглядывал и на всякий случай опасливо держался подальше. Вокруг странной женщины, как зачумлённой, образовался магический круг, так что она могла беспрепятственно и самозабвенно заниматься своей гимнастикой.

– Странные граждане, – заметила женщина. Она вынула из ушей проводки и оглядывалась, презрительно пожимая плечами. – Их не удивляет, что мы добровольно топчемся в огромной очереди, чтобы отдать большущие деньги за электричество из нищих пенсий и зарплат. Но для них, видите ли, диво дивное, если женщина в очереди не теряет нервы и время, а занимается собственным здоровьем. Парадокс.

Я сразу поняла, что мы с ней подружимся. Эльза не так давно пережила драму: чёрные риэлторы оставили её без квартиры. Увезли в лес, щекотали шампунями, разводили огонь, обещали подкоптить старые косточки. Потом отпустили, а она всё равно не струсила и начала войну за квартиру.

– И тебе её не вернули?!

– Нет. *Там же все повязаны.*

Дальше происходит очевидное – невероятное. Анонимный благотворитель видит по телевизору сюжет о свежеиспечённой бомжихе, бывшем заслуженном враче Эльзе, и дарит ей квартиру! Она когда-то вырезала ему аппендицит. Вот бы все богатые заботились о спасении души.

После занятий самые древние старушки расползаются по домам. Мы, молодняк, по традиции идём в торговый центр «Папуасское счастье».

Нет, конечно, у ТЦ другое, красивое иностранное название. «Папуасским счастьем» мы называли его за витрины, густо увитые бусами и увешанные побрякушками. За подсвеченные вращающиеся полочки с разноцветными стекляшками и фальшивыми камушками. За зеркала и зеркальца, умножающие магазинное величие, заставляющее его переливаться и слепить глаза...

Любой папуас от этой невыносимой красоты замычит, задёргается, впадёт в транс – и потащит в обмен на стекляшки и бусы – золото, алмазы, нефть, газ... Ой, про нефть и газ с языка сорвалось. И разрешит хоронить в своём острове радиоактивные отходы.

В полуподвале торгового центра есть маленькая кофейня. Там мы пьём кофе с булочками. У кого давление и холестерин – зелёный чай с соевыми пастилками. Обсуждаем «рождественскую» историю, приключившуюся с нашей курсанткой, милой кроткой Еленой Аркадьевной.

Родной сын в морозную декабрьскую ночь вывез её за город в машине и оставил в лесу: так злые хозяева избавляются от состарившихся собак и кошек. Потом вернулся, тянул водочки и лёг спать в тёплую мягкую постель под бочок к жене.

– Всё нормально? – сонно пробормотала жена.

– Нормально, не волнуйся.

Всё шло по плану. Наутро заботливый сын должен был забить тревогу. Кинуть клич в соцсетях, привлечь полицию и волонтеров. Волноваться, сходить с ума и едва сдерживать скупую мужскую слезу, отвечая на расспросы корреспондентов. Беда-то какая: мама ушла в неизвестном направлении и не вернулась.

Замечательный план нарушил мелкий воришка, который в ночную пору рубил новогоднюю ёлочку под самый корешок. Он и наткнулся на остекленевшую до звона Елену Аркадьевну. Тепло ль тебе, девица, тепло ль тебе, красная?

Город гудел. Сынок работал инженером на заводе и явно не бедствовал. Он у Елены Аркадьевны единственный, растила без отца, души не чаяла в своей кровиночке. Воспитание ребёнка – это как пройти между Сциллой и Харибдой: не перелюбить, но и не недолюбить. И уж если учительница Елена Аркадьевна не справилась...

Мы вдоволь перетёрли эту новость и примолкли, понурились, позвякивая ложечками в чашках. Радоваться или горевать, что мы одиноки? Кто-то схоронил недолговечных мужей, кто-то вообще не был замужем, и детей никому из нас не дал Бог...

– Нет, это не летящая походка – это коллективная пляска святого Витта! Передышка три минуты...

Эванджелина останавливает нас, раскрасневшихся, запыхавшихся. Ох, нелёгкая это работа: курс красивой походки. Наша учительница скидывает белую меховую пелеринку и показывает – как надо.

Маленькая головка застыла на лебединой шее. Фигурка как музейное изваяние. Движения мягкие, вкрадчивые, кошачьи. Ножки и упруго очерченный тазик живут отдельно от тела. С ума сойти!

На три вещи можно смотреть бесконечно: на огонь, на воду и на походку Эванджелины. Если она на нас производит такое впечатление – что говорить о мужиках.

– Я бы сама её трахнула, – мрачно бубнит Дробышко. Эванджелина не подозревает, какие содомские, лесбийские настроения возбуждает в своей ученице. Она заученно щебечет:

– Вам не надо ходить в рестораны и в дискотеки, чтобы потанцевать. Улица – ваш ежедневный танцпол. Вы летите, как пух от уст Эола. Вы танцуете на ходу и радуетесь жизни. Вы самовыражаетесь через походку. Вы – центр притяжения и внимания Улицы. Вы – королева среди дёрганых, суетливых, замотанных бытом женщин!

Прощаясь, даёт домашнее задание: не забывать о красивой походке, не расслабляться ни на минуту. Идёте вы к холодильнику, кухонной раковине или в туалет, или на балкон с тазом белья – спина в мраморе, вишенка в попе, бедро в скольжении.

– Эдак штанов не напасёшься: сотрутся до дыр меж ногами, – бубнит Дробышко.

– Никаких штанов, дамы, только – чулочки! – и руководительница, сделав ручкой, упархивает своей умопомрачительной балетной походкой. Одно слово – Эванджелина.

Чего больше всего страшатся пожилые люди? Думаете, смерти? Не-а. Болезней, беспомощности, зависимости, охлаждения со стороны близких.

– Повезло нефтяным старушкам, – бубнит Дробышко.

Нефтяные старушки – это не те, кто владеют приисками и скважинами. Это те, кто вышел на пенсию в тучные двухтысячные. У них пенсии с каждым годом потихоньку индексировались, пухли...

– Повезло, – бубнит Дробышко. – Вон, моя соседка. Родня на неё не надышится, не натрясётся. Три раза в день мерит давление, кормит детским пюре из баночек. Худо ли: 30 тыщ пенсии в семейном бюджете...

Умеет Дробышко наводить тоску. Но как легко настроить нас друг против друга. Одним кинуть кусок чуть жирнее, другим поплотнее. Разделяй и властвуй.

– Да ладно, – будто считывает мои мысли Эльза. – Сами-то мы как к свекровям относились?

Мы ещё ниже опускаем головы и ещё старательнее возим ложечками в чашках. На словах – да, семейная идиллия. Мы забрали свекровей к себе, что немедленно поставили себе же в великую, неоценимую заслугу перед вечно виноватыми мужьями. Их матери доживали в сытости, чистоте и тепле – это правда.

Вахрамеева, например, трогательно рассказывала всем, как она у свекрови ноги мыла и только что воду не пила. Омывала в тазике и сушала полотенцем, чтобы не было пролежней. Но однажды я присутствовала при сем священнодействии. Видела выражение лица Вахрамеевой и слышала, что она при этом цедила сквозь зубы... Лучше бы свекровь быстрее отмучалась и не купалась в этом океане ненависти.

Или Вера – идеальная дочь. Когда мама стала хворать, сразу продала её дом в деревне и перевезла к себе. У мамы деменция: она не узнает родных. Переживает, что дочка Вера совсем её позабыла и не навещает. Подворовывает сладости со стола:

– Дочка приедет – угощу.

– Мама, я и есть твоя дочка!

Вера закипает. Веру дико бесит забывчивость матери. В доме появился объект для раздражения. Нет, мама себя сама обслуживает и даже имеет по дому свои маленькие обязанности. Вытирает пыль, поливает цветы.

Но отныне единственная тема, на которую Вера неизменно съезжает во всех разговорах – это «чокнутость» матери и «ужас, если сейчас такое творится, что дальше-то будет?!» Рассказывая о причудах матери, выразительно крутит пальцем у виска. Она уже не зовёт её мамой, только «эта».

Вон, сегодня «эта» сходила мимо унитаза (начинается!) Включила и забыла зажечь под чайником газ. Приходится снимать и прятать газовый краник. Веру раздражает, если мама путается под ногами. Мама испуганно перестала выходить из комнаты. И это тоже раздражает Веру: «Прячется, как будто я фашистка какая».

Сердце у «этой» здоровое: значит, ужас будет тянуться десятилетия. Поневоле с умилением вспомнишь свекровь-сердечницу. Та, голубушка, и сама не мучилась и других не мучила.

Ах, как важно уйти вовремя, чтобы не надоесть всем хуже горькой редьки, не оставить после себя раздражённых воспоминаний. Но выбор у нас небогатый: лопнет сосудик в сердце или в голове. Лучше, если в сердце: тогда сразу.

Так было, так есть и так будет. Думаете, в советское время было лучше? Пожалуйста: советский фильм «Белые росы». На предложение среднего сына соединить однушку и двушку, чтобы жить вместе в трёхкомнатной квартире, старый Федос отвечает: «Не хочу в грех тебя вводить. Смерти моей ждать будешь». Вот так. При всём уважительном отношении сына к папаше.

Короток женский век, как у подёнки. Вообще жизнь коротка: только вчера психовали из-за близких немощных стариков – а уже на пороге стеснительно топчется собственная старость. Как быстро вернулся бумеранг!

– Хорошо стариться в Америке, – вздыхает Вера. – Там не дома престарелых – а сказка.

– Не свисти, – это Вахрамеева. Она жила в Америке семь лет. – Там тоже разные дома престарелых. Там тоже всё зависит от денег.

– Хорошо стариться на Кавказе, – упрямо заходит на второй круг Вера. – Была бы там родня – и айда: чемодан-вокзал-Кавказ. Или хотя бы в Среднюю Азию. Там старость носят на руках.

«У нас тоже, как на Востоке, уважают старость, – думаю я. – Пока она на ногах. Пока возится в огороде, закатывает банки, нянчится с внуками, тратит пенсию на любимых детей. Переписывает на них квартиры, машины, гаражи.

Как только старость обессилеет, сляжет и начнёт ходить под себя, – сыны и дочери немедленно вспоминают, что они никакой не Восток, а совсем даже наоборот: настоящая Европа. А в Европе, извините: дети сами по себе, родители сами по себе».

Сегодня у нас грустный повод собраться в «Папуасском счастье». От пневмонии скончалась Елена Аркадьевна: не прошла бесследно ночёвка под ёлочкой.

На похороны – вот чудо! – прибыла в своей перламутровой «ауди» Эванджелина. Возложила на могилку огромный букет синих гвоздик. Я видела, как у неё блестели слёзы на ресницах.

Узнав о планируемых маленьких поминках в подвальной кафешке, напросилась с нами. Наполнила крошечный полутёмный зальчик ароматом французских духов. Оглядывалась и говорила: «А здесь миленько». Заказала на всех водки, блинов, пирожков. О, мы узнавали Эванджелину с новой стороны!

Мы узнали её с новой стороны ещё больше, когда с непривычки и с холода все нечаянно набрались. И поминки (да простит нас Елена Аркадьевна) сменили минорную тональность на истерично-весёлую.

Эванджелина рассказывала, как выживала в девяностые. Тогда её звали просто Эвочка, она сновала как челнок, между Турцией и Россией. Надрывалась, таская неподъёмные грязные, рваные баулы. Однажды ей предложили перевезти маленькие мешочки. Сказали: с чудодейственным травяным порошком, для целителя и мага. Вознаграждение равнялось годовому доходу Эвочки.

Два туго набитых тяжёленьких пластиковых мешочка формой были длинные и узкие, как колбаски. Наивная Эвочка не понимала, почему их нужно провозить тайно, в своём теле. И лишь когда благополучно пересекла таможду и от знающих людей узнала, что было в мешочках... И сколько бы за тот целебный порошок, по совокупности, огребла...

Эванджелина приподняла каштановую гриву, показала стильную седую прядь:

– Видите? Как мелом мазнули, с той поры никакая краска не берёт.

Дробышко интересовало, получила ли Эванджелина обещанную сумму.

– Да что вы! Заплатили какие-то копейки. Мол, если налажу конвейер – тогда полноправно войду в долю. Пригрозили, что пикну кому – это будет мой последний «пик». Зато, девочки, – она мечтательно закатила глаза, – какие непередаваемые ощущения, какой бесценный, малоизвестный в те годы сексуальный опыт я приобрела, перевоза в себе те мешочки-колбаски... Две колбаски одновременно. Совместила приятное с полезным.

Мы тупо переглянулись. Первой неуверенно хихикнула Эльза. Потом дошло до Дробышко. Потом грянули хохотом мы все. Эванджелина наивно смотрела на нас, хлопая ресницами, как примерная школьница: дескать, что смешного-то?! Но снова у Эванджелины – или нам показалось? – блеснули влагой глаза.

Жизнь научила меня разбираться в людях. Я вижу: Эванджелина *настоящая*.

С этого дня она частенько коротает с нами время в «Папуасском счастье». Мы рассказываем Эванджелине всё-всё.

Про нефтяных старушек. Про Терентьевну, которой внук сломал руку, а она этой сломанной рукой отписала ему дом. Про подругу Дробышко, которая как только подарила племяннице квартиру, так и потонула в ванне. Хотя сердце имела завидное и давление 120 на 80 – хоть в космос отправляй. Про снегурочку Елену Аркадьевну. И даже – опустив глаза и тяжело вздыхая – про собственных свекровей и бумеранг.

Всё, всё у нас худо-бедно защищено законом. Дети-сироты, эки, бомжи, даже бездомные собаки и кошки. Всё, кроме бесправной старости. Старость загнана в угол, как дряхлый волк, обложена красными флажками.

Мы не хотим покорно ждать немочи. Мы взбунтовались и, пока находимся в здравом уме и ясной памяти, желаем перевернуть ситуацию. Нас, на город пять отчаянных одиноких пенсионеров. Мы показываем Эванджелине план: сложную схему с зачёркнутыми кружочками, стрелочками.

Государственный дом престарелых? Не дай и не приведи Господи. Жирно-прежирно зачёркиваем сразу.

Вот пышно рекламировал себя частный проект «Тёплый кров». Его филиалы, как паутина, опутали всю страну. Мы им – квартиры в ренту, они нам – лечение и уход на дому, в родных стенах. После череды подозрительных старушечьих смертей проектом заинтересовалась прокуратура. Зачёркиваем.

Вот городские власти в бывшем детском садике решили устроить элитный приют для пожилых. Взамен собственных квартир: отдельные уютные комнатки с ванной, туалетом

и кухонькой. Бесплатные лекарства. Круглосуточное дежурство внимательного медицинского персонала. Холл, где можно поболтать с соседями, садик, где можно гулять...

Кроме нашей «великолепной пятёрки», во всём городе желающих не нашлось. Кто-то испугался (а ну, и здесь заведётся улыбчивая медсестра-обаяшка со смертельным уколом?). Кому-то дома закатили грандиозную истерику дети. Сейчас в том детском садике с комфортом расположилось очередное чиновничье подразделение. Зачёркиваем.

Мы даже в женский монастырь ездили, беседовали с матушкой. Дескать, готовы отписать недвижимость монастырю – а за это за нами, когда занежем, пускай ходят монашки-послушницы. Кроткие, терпеливые, стариковской грязи не погнушаются... Нам хорошо – и монастырь процветает.

Матушка замахала руками: только этого христовым невестам не хватало. Дрязги с родней, которая как мухи слетается на запах наследства... Судебные иски, психиатрические экспертизы, скандалы в газетах... Пробовали заключить ренту с одной старушкой, так до сих пор икается (матушка в неподдельном волнении перекрестилась). Нет, нет и нет. Вы нас в суетные мирские дела не впутывайте. Монастырь не для того создан, чтобы бизнесом заниматься, а замаливать грехи наши.

Зачёркиваем. Мы в тупике.

– Я же говорю. Один выход: чемодан-вокзал-Кавказ, – настаивает Вера.

Эванджелина с состраданием смотрит на нас. Она не знает, как нам помочь. Но при слове «Кавказ» задумалась – и вдруг вся встрепенулась, ахнула.

– А ведь это идея... Чем чёрт не шутит?! У меня в Магасе живёт подружка Фирдаус... Сегодня же спишусь с ней, закину удочки.

– Ага, – бубнит Дробышко. – Нужны мы им, как рыбе зонтик. Там, знаете, какие богачи живут? По телевизору показывают: сплошь каменные дома. Вокруг стены бетонные трёхметровые.

– И потом, они *своих* стариков уважают, – осторожно замечает Эльза. – А мы для них неверные. Больно надо им ходить за неприкаянными русскими старухами.

– Во-первых, и там есть бедные люди, которым лишняя копейка не помешает. Во-вторых, всё это можно оформить цивилизованно, с двусторонним договором, с гарантией. Нотариально заверить. Послушайте, – приходит в неподдельный восторг Эванджелина, – да ведь это можно такой проект забабахать! Гранты выхлопотать под эгидой дружбы народов... Кавказ – всероссийская здравница для пенсионеров! И у них проблема самозанятости решится...

– Ни за что не поеду, – решительно упирается Вахрамеева. – Не хочу стариться на чужой земле, среди чужих людей... Лучше здесь подышать.

– Но ведь правда, – не слушая её, зачарованно говорит Эльза. – Нам ведь дорогуших отелей не надо... Доброе отношение, скромная тёплая комнатка. Целительный высокогорный воздух, луга с лекарственными травами, чистейшая ледниковая вода. По праздникам молодое вино, шашлык из свежей, экологически чистой баранины...

– Давайте не будем делить мясо неубитого барашка, – просит Эванджелина. – Ещё ничего не известно. В ближайшее время постараюсь съездить к Фирдаус. Всё разведая, разузнаю. А вы здесь держите за меня кулачки.

Две недели у нас не было занятий. И вот в трубке долгожданный прекрасный, мелодичный, торжествующий голос Эванджелины! Она вернулась и просит срочно обзвонить «великолепную пятёрку». Сбор в «Папуасском счастье».

Прежде всего Эванджелина суеверно сплёвывает и стучит по столешнице. Всё складывается хорошо, и даже лучше, чем хорошо! В селении Д., откуда родом Фирдаус, жители долго мялись, переглядывались. Кое-кто ходил к мулле спросить, нет ли чего предосудительного.

Но и пророк сказал: *«Кто жесток к младшим и не уважает старших, тот не из нас»*. Так они чуть не перессорились, «разбирая» нас по семьям. Очередь на нас выстроилась!

– Квартиры продадим, деньги положим на книжку... – соображает Прокопьевна. – И будем отдавать пенсию и наградные за уход и проживание.

– Да ни в коем случае! – всплскивает лебедиными ручками Эванджелина. – Время смутное: лопнет банк, и ваши вклады – тю-тю. Решили пополнить ряды бомжей? Вас что, жизнь ничему не научила?! Квартира – это угол, крыша над головой. Это – Неприкосновенное.

Сделаем пробный шаг, весной съездим в гости. Сдадим ваши квартиры пока на полгода, подыщем надёжных квартиросъёмщиков. Оформим через ЖЭКи... Пожалуй, лучше через нотариуса. Ах, если бы всё получилось! – Эванджелина взвизгивает, как девчонка. Она рада больше нас.

Одна Дробышко недовольна. Что-то мысленно прикидывает, подозрительно поблёскивает медвежьими глазками. Ревниво пыхтит:

– Ага. У меня «сталинка» в центре города, потолки три метра. Недавно капремонт был. У Прокопьевны «трёшка» и вид из окна – чисто пейзаж... А у неё, – кивает в мою сторону, – конура облезлая в хрущёвке на окраине. А в условиях одинаковых, небось, жить будем?!

– Нет, – сухо говорит Эванджелина. – Её поселят в облезлой собачьей конуре. Вы этого хотите, Дробышко? Не успели уехать, а уж склочничаете. С такими настроениями нечего и ехать, позориться.

– Та-ак. Плечики развернули, грудки выпятили, попки поджали! Про монету не забываем! И, па-ашли!

Сегодня наше последнее занятие в школе красивой походки. Эванджелина непривычно грустно-нежна с нами. Она не обзывает нас пьяной матроснёй, шлюхами и утками, откармливаемыми на фуа-гра. Она говорит, что мы дадим фору молодым, и что у неё никогда больше не будет таких прилежных учениц.

После занятий в раздевалке нас ждёт от неё сюрприз: чай и огромный воздушный сливочно-земляничный торт. Мы обсуждаем последние детали. Раздаём долги, доделываем дела. Вера увезла забывчивую маму в деревню к брату, не без скандала с его стороны.

– Да где же она?!

До отхода поезда остаётся шесть минут. Мы топчемся среди чемоданов на колёсиках и рюкзаков с пожитками «на первое время». Наши билеты и документы у Эванджелины, как и пачка нотариально заверенных документов. Она сегодня с утра побежала в Пенсионный фонд чего-то там «подчищать» и визировать.

Первой спохватывается Эльза.

– Слушайте... – говорит она, бледнея как мел, – Кто-нибудь, читал внимательно договоры о сдаче квартир?

Какое там. Всё проходило сумбурно, взвинченно, в какой-то эйфории. Как под гипнозом.

– А нотариус? Вам не показалось, что они с Эванджелиной... подозрительно переглядывались? Вдруг мы на самом деле подмахнули не глядя договоры не о *сдаче*, а о *продаже квартир*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.